

Елена Гвозденко

**Дурканские
новеллы**

Елена Гвозденко

Дурканские новеллы

«Издательские решения»

Гвозденко Е.

Дурканские новеллы / Е. Гвозденко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902564-7

Гостил ли ты, дорогой читатель, в замечательном городке, где чудеса столь обыденны, что местные жители и не мыслят без них своего существования? Где отломившееся от памятника ухо устраивает медиа-войну, а проросшая из земли золотая труба исполняет желания? Где жители всегда здоровы, потому как пыль городка излечивает от всех болезней, а нарисованное вдруг оживает? Как, ты еще не успел побывать в таком месте? Добро пожаловать в Дурканск!

ISBN 978-5-44-902564-7

© Гвозденко Е.
© Издательские решения

Дурканские новеллы

Елена Гвозденко

© Елена Гвозденко, 2018

ISBN 978-5-4490-2564-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Река Недоумка, прилегая к городу с западной стороны четким, ровным руслом, несла свои воды в северные дали, а потом, совершенно неожиданно возвращалась на юг, подступая к Дурканску с востока. В северных лесах русло теряло западную прямолинейность, и речка рассыпалась затейливыми завитками, игриво ластясь к огородам домов, приютившихся на восточной окраине.

Летописцы Дурканска рассказывают, что эта особенность Недоумки и указала поселенцам место основания города. Как гласила легенда, в далекие времена, когда возраст человека измеряли не прожитыми годами, а количеством добрых дел, в Многодумске произошел раскол. Город разделился на многодумцев и малодумцев. Многодумцы – народ основательный, прежде чем взяться за любое, даже самое маленькое дело, долго прикидывали да рассчитывали, а там глядишь, и необходимость в деле отпадала. Малодумцы же, напротив, на любое дело споры были, да только плодам часто и сами не рады оказывались.

В то лето случилась беда, тучи огромных жирных мух опустились на город. Черно-зеленая жужжащая подвижная масса уродливыми наростами облепила постройки, проникла во все дома. На улицу нельзя было выбраться, сотни жал моментально впивались в тело. Женщины вместе с малыми ребятишками с утра до вечера бегали по комнатам, размахивая полотенцами, выгоняя непрошенных гостей. В это непростое время многодумские старейшины объявили сход, чтобы сообща бороться с невесть откуда взявшейся угрозой. Собравшись в самом большом доме городского управителя, многодумцы почти неделю обсуждали коварство мушиной натуры, даже заслушали десятичасовой доклад ученого мужа, который сделал довольно подробный анализ жизни мушиного племени. Заседания прерывались лишь перерывами на обильные застолья и продолжительный сон, к чему многодумцы были весьма охочи. Всю неделю почтенные горожане обсуждали философские аспекты стихийного бедствия, и кто знает, сколько продлилось бы совещание, если его не прервал Васятка, меньшой сын управителя. «Нет больше мух, покинули город», – крикнул он почтенному собранию, ворвавшись в зал, куда в прочие времена по младости входить не смел. Вышедшие после недельного заточения многодумцы, сильно удивились отсутствию коварных насекомых. Оказывается, малодумцы, собрав все запасы меда, разлили его за городской околицей. Золотистые озера стали последним пристанищем слетевшихся на угощение мух.

Такой удар по самолюбию многодумцы снести не могли! Собрав жителей на городской площади, они нещадно клеймили непродуманность и спешность решений. И хоть малодумцы излишней обидчивостью не отличались, но получить незаслуженную отповедь после благого дела никак не ожидали. После того, как почтенные многодумцы удалились с судилища, группа малодумцев решила покинуть город в поисках места, где никто никогда не будет упрекать их за то, что они такие, какими создала их матушка-природа. В один из ясных летних дней малодумцы оказались у русла странной реки, которая вопреки всем известным законам, вела себя

довольно своенравно. За игривый нрав речку стали называть Недоумкой, а меж ее берегов как-то незаметно вырос городок, который назвали Дурканском, памятуя о прозвищах, которые носили в Многодумске.

Сокровище Дурканска

Наш Дурканск – город отдаленный, до областного центра Многодумска ехать и ехать. Да и дороги дурканские к частым поездкам ну никак не располагают. Поэтому выбираются дурканцы за его пределы нечасто, только по большой нужде.

Случилась такая нужда у Семки, сына Акимовны. Решил он ехать в Многодумск на учебу. Как уехал летом, так целый год от него и вестей никаких. А тут вдруг сам явился – одежонка потрепанная, брючки рваные, волосы до плеч, как у батюшки Василия, в ухе – серьга, а в глазах – задумчивость недурканская. Увидала сынка Акимовна, и забилась плачем, а соседки собрались, утешают. Мол, не плачь, главное – живой, здоровый. А Акимовна еще пуще, дескать, какой здоровый, в проводах весь, да в ушах аппарат торчит как у деда Самсоныча, оглох, значит, не выдержал шумов городских. Ничего не ответил им Семка, в первый же вечер из дому ушел. Бабоньки решили, что к Дуняшке, с которой у него любовь была еще до отъезда, да только Евграфовна, мать Дуняшки, все их подозрения отмела напрочь, не к Дуняшке спешил Семка, а напрямиком к Федоту направился.

Федот – личность в Дурканске примечательная, изобретатель. Живет он один, на окраине Дурканска, работает на птицефабрике, а в свободное время – изобретает. Говорят, была у него когда-то жена, да не выдержала горемычная, в доме у них, ни мебели справной, ни хозяйства никакого, а Федотушка всеми ночами в сарае у себя что-то пилит, сбивает. Уж она, сердечная, и ругала его, и плакала, а все проку никакого – запрется у себя в сарае, и не выходит пока новинку, какую не смастерит. Да только все его поделки без дел на чердаке пылились. Изобретет, к примеру, Федотка утюг-сковородку, чтобы, значит, и картошку жарить, и белье гладить одновременно, а она, норовистая, так и брызжет маслом на простыню. Или вот, лопата электрическая, вроде и копает сама, но огород после ее работы больше на археологические раскопки похож, однажды даже кость неизвестного животного вырыла, хотя сосед Ленька и говорил, что это Буренка его деда, которая шестьдесят лет назад неизвестно как пропала со двора. А вот капуста и картошка ну никак на огороде Федотки не росли. А уж когда Федот к швейной машинке своей жены, на которой та, не покладая рук, зарабатывала им с мужем на жизнь, приделал непонятно для чего мясорубку, и бедная женщина изрубила в ветошь платье, которое шила для Ленькиной жены, Федот в одночасье превратился в разведенного бобыля.

Только, думается, он и не особо тужил о смене своего семейного положения. И хоть похудел и оборвался, выглядел куда как счастливее, чем в то время когда был женат. Вот к этому человеку и отправился Семен в первый же день, как вернулся из Многодумска. А Федот, завидя гостя, засуетился, не часто кто из дурканцев посещал это логово изобретательской мысли. Долго и неспешно беседовали эти выдающиеся умы Дурканска. А, наутро, у магазина, Семка перед собравшимися горожанами держал речь, взобравшись на принесенный от Федота пятиногий табурет. Правда, и тут подвела Федоткина творческая мысль, ибо в разгар речи, все пять ног этого столярного чуда вдруг, сами собой, начали вращаться. И по мере того, как возрастала скорость этого спонтанного вращения, Семкина речь становилась прерывистой и громче, пока, наконец, взбесившийся табурет не сбросил незадачливого оратора. И тут во всем Дурканске такая тишина наступила, что слышно было, как постанывает во сне дед Самсоныч, сторож птицефабрики.

Озадаченные расходились дурканские мужики по домам. Они мало, что поняли из Семкиной речи, новые слова звучали обидной бранью, а общий смысл пугал безысходностью. Оказывается, другой, правильной жизнью живут в Многодумске, другую одежду носят, другую закуску под водочку употребляют. Компьютеры и сотовая связь – у каждого многодумца, и не надо чтобы позвонить бежать на почту.

Акимовна, подхватив сына, повела его домой, кивая головой на все его бормотание: «Что за зверь такой маркетинг, о котором ее Семушка так переживает? А Инвестиция, видно, невеста городская», – думала растерявшаяся мать.

Наутро Акимовна обнаружила кровать сына пустой. Она сначала хотела к Федотке броситься, надеясь пристыдить смутьяна, но потом решила бабью хитрость проявить – собрала гостинцев, да к Дуняшке отправилась, надеясь, что сможет уговорить девицу на сына повлиять... Идет Акимовна по дурканским улицам, да дивится – что ни двор – коровы не доенные мычат. По опустевшим переулкам козы и свиньи без пригляду гуляют.

А в это время все население Дурканска у магазина внимало речам Семки. Рассказывал он землякам, что для того, чтобы жить как в столицах, вовсе не надо на фермах, да в полях от зари и до зари «спину гнуть». Они, мол, с Федоткой решили, что дурканцы могут и просто так богатыми в одночасье стать. Мол, есть в Дурканске сокровище, что в других городах и не сыщешь. Зашумела тут толпа, разволновалась, значит. Со всех сторон слышались крики – «Это, какое-такое сокровище, о котором мы отродясь не слыхивали». Даже дед Самсоныч очнулся от своего всегдашнего сна, а к слову сказать, спать этот дед умел мастерски – и стоя, и сидя, и даже когда со службы шел. Говорили, что и ел он исключительно во сне. «Это что ж за богатство такое от моего зоркого глаза ускользнуло», – крикнул он и тут же захрапел. А между тем, Семка побряхтел, будто с духом собираясь, и заявил – «пыль». Что тут началось! Дурканцы смеялись, улюлюкали, кричали что-то, а затем вдруг внезапно смолкли.

Федотка решил, что настал его черед перед гражданами выступить и вышел вперед. Рассказ Федотки озадачил дурканцев. Умелец напомнил горожанам, что народ они не совсем обычный. Отродясь на их родине про болезни и хвори всякие не слыхали. Ну разве малец какой ссадину на коленке поставит или мужичонка хмельной с забором поздоровается, а так, чтобы серьезно – такого не было. Так и умирали дурканцы здоровыми. Давно уж Федотка про феномен сей размышлял, да пришел к выводу, что пыль дурканская особое целебное свойство имеет. А как Семка в Многодумск отправился, так и попросил его у тамошних ученых поразведать, даже кулек родной пыли с собой насыпал. Ученые многодумские целый год в пыли ковырялись, да заключение такое выдали, что и не поймешь. Будто обнаружили в этой пыли что-то до сих пор науке не известное, а что – и сами в толк не возьмут. «Так вот – это уже Семка как специалист по маркетингу добавил, – пора дурканцам с этой пыли доход иметь».

С поры того стихийного собрания, жизнь в Дурканске неузнаваемо изменилась. Коренные жители больше не работали в полях да на фермах, да и домашнее хозяйство забросили. Всем городом улицы мели, да пыль ту по пакетам фасовали. Уныло стало в Дурканске. Ни смеха, ни пенья петушиного не услышать. С утра до вечера только и слышно, как метелки метут, да стихийно перебранки возникают. Мол, кто-то у кого-то всю пыль смел. А Семка отправился в Многодумск, сбыт налаживать. А вскоре и машины, им из Многодумска для доставки этой самой пыли прибыли. Нагрузили дурканцы первый обоз и попрятались по домам, в ожиданье барышей. Да только так и не дождались. Оказалось, что только для дурканцев – родная пыль

целебным свойством обладает, а для прочих очень вредна. Многие с той пыли с ума сошли, да с болячками разными слегли.

Вернулся Семка в Дурканск, и города родного не узнал – все порушено, фермы разорены, поля и огороды бурьяном заросли. На улицах ни курочки соседской, ни даже кобелька лядящего.

Дверь

Помню, стояла в нашем городишке дверь. Дверь как дверь, с облупившейся краской непонятного цвета. Таких у нас в городишке – великое множество. Но все же был у нее один секрет – стояла одинокая среди улицы, ничего не запирая. И еще один секрет был у той двери, не всяк мог ее открыть, но уж кому удавалось – чудеса великие за ней находили.

Пошел как-то Петрович по пьяному делу в скверик за общением. Остро ему тогда друзей не хватало, тем более что в кармане только треть суммы на эликсир правды позвякивала. Шел долго и трудно, он уж и руками себе помогал, а все дойти не мог. Как очутился он у нашей двери, он и сам не понял, решил, что опять домой вернулся, что за этот вечер случилось с ним раз пять. Толкнул он эту дверь, а за ней огромный стол, такими яствами и питием богатый, что Петрович оробел даже, а собеседники незримые приглашают: «Отведай, мол, Петрович с нами. Хочешь, килечки томатной, хочешь, сырков «Дружба». А из выпить, тут как в раю – тут тебе и портвейнчик, и самогоночка, и ОНА, родимая. Загулял тогда Петрович, неделю город его не видел. А через неделю очнулся на больничной койке. Изловили его в сквере, когда он в урнах искал летающие тарелки.

А еще через неделю у этой двери Фоминична оказалась. Шла она с базара, хотела себе новую шубу справить. Да не такую как у Степановны, из искусственных матерьялов, а самую настоящую – кроличью. К слову сказать, шуба Степановны лишила покоя всю женскую половину городка. А каково же было Фоминичне, жившей рядом, видеть похорошевшую соседку каждый день. Обошла тогда Фоминична все ряды торговые. А из одежды зимней лишь телогрейки, да куртки китайские, пухом неизвестного животного начиненные. Купила тогда наша героиня себе из обновок скалку, да доску разделочную, и побрела домой. А тут, откуда ни возьмись, сия архитектурная нелепость. Растерялась Фоминична, дернула за ручку, а дверь возьми и откройся. А за ней – прилавки, от товара разного ломящиеся. И голос ласковый такой: «Заходи, бабонька, выбери обновку себе. Хочешь шелков, легких как облако, али парчи, золотыми нитками вышитой? А, может, бельем, бабонька, интересуетесь? Очень пикантные модели в наличии имеем». Не веря глазам своим, Фоминична бросилась примерять все подряд. Куда там Степановне, с ее шубкой облезлой. Нарядилась Фоминична в юбки парчовые, да блузки атласные. Повесила на шейку свою с десяток бус и ожерелий, а все остановиться не может. Глядит, а на другом прилавке шубы: и кроличьи, и лисьи, и песцовые...

А между тем Степановна зашла к соседке спичек занять, а соседки-то и дома нет. Вспомнила Степановна, что не видела Фоминичну с прошлого четверга, с тех пор как у рыбных рядов повздорили на предмет свежести селедки. Фоминична в тот день явно не в себе была. Морду рыбою Дуньке, продавщице, в лицо сует, а сама задумчивая такая. Когда и на следующий день соседка не объявилась, побежала Степановна к Григорьичу, участковому милиционеру. А тот недолго собирался, сунул огурец в кобуру, да фляжку под фуражку, и отправился на исполнение. Да сколько не стучал он в дверь к Фоминичне, не призывал отпереть славным органам, да все без толку. Покряхтел Григорьич, отхлебнул из фляжки, достал огурец из кобуры, хрустнул

по-армейски, да за дело принялся. Поднатужился, напружинился, да и выломал дверь Фоминичны. Но только большое милицейское разочарование ожидало Григорьича за той дверью, ни Фоминичны, ни даже следов, чтобы прояснили, куда сия гражданка отправилась. Потоптался, потоптался Григорьич, содержимое фляжки допил, огурцом закусил, да и оставил Степановну у проломленной двери, соседку, значит, караулить. А сам, горемычный, отправился в отделение, думу думать.

Идет он, значит, по дороге, а навстречу ему Васек, соседский малец, бежит, пыль поднимает.

– Дядя Григорьич! – кричит, – непорядок в нашем переулке. Ходит по нему баба страшная, да двери, что на пути попадают, ломает. Сразу понял Григорьич, недаром чутье ему дано было, что напал он на след пропавшей Фоминичны. Добежали они с Васьком до Обьедкова переулка, где малец с матерью проживал, а там... Ни одной двери целой, одни обломки сквозь которые неказистый быт дурканцев во всей неприкрытой красе.

А обьедковцы суетятся, мельтешат, кто аппараты самогонные, кто добро приворованное припрятывает. А в крайней избе, на лавке спит Митька, карманный вор, которого Григорьич уже третий год разыскивал. Да только недосуг доблестному милиционеру было во все уголки заглядывать. Посреди переулка, застывшей статуей стояла Фоминична, дивно обряженная. Вместо одежды на ней – обрывки бумажек да этикетки чудные, а на голове – урна парковая короной возвышается. Подхватил Григорьич Фоминичну, да напрямик в больницу и отправил. Да только, сердечная, всю дорогу про дверь какую-то бормотала, да про шубу что-то.

Решил Григорьич разобраться, что за дверь такая дурканцев разума лишает. Принять, так сказать, меры реагирования. Идет он по пыльным улицам, внимательно в незнакомые объекты вглядывается. Да только объекты эти, как пыль рассеется, очень даже знакомыми оказывались – вот забор, что Селиваныч возвел незаконно, а вот и куча мусора, которая самым волшебным образом растет сама по себе, стоит участковому отойти от нее после бесед с жителями об экологии.

Поравнялся Григорьич с этой кучей, да такая тоска вдруг проникла в его милицейское сердце. Задумался страж порядка о доле своей невеселой – о мусорных кучах, да самогонных аппаратах, что ему предстоит изъять за свою службу. А некоторые стражи, между тем, на личных авто мимо подобных куч разъезжают, да еще на такой скорости, что и забор Селиваныча заметить трудно.

Так закручинился наш Григорьич, что и не заметил, как фляжка опустела, а он сам оказался рядом с этой злополучной дверью. А дверца эта, похотливо поскрипывая, сама перед участковым отворилась. А за ней, батюшки-святые, и форма генеральская со всеми атрибутами, даже петлицы с золотым шитьем лавровой ветки присутствуют. А чуть поодаль автомобильчик представительский призывно так фарами подмигивает. Хотел было Григорьич со всех ног к этому великолепию кинуться, да тут фляжка пустая из-под фуражки выскользнула, да осуждающе звякнула. Одумался Григорьич: «А ведь это все морок, наваждение сатанинское», да всей своей мощью милицейской на дверь и бросился. Не выдержала дверь натиска сурового, на мелкие щепки рассыпалась. Глядь, а за ней – ничего, поле пустынное, бурьяном заросшее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.